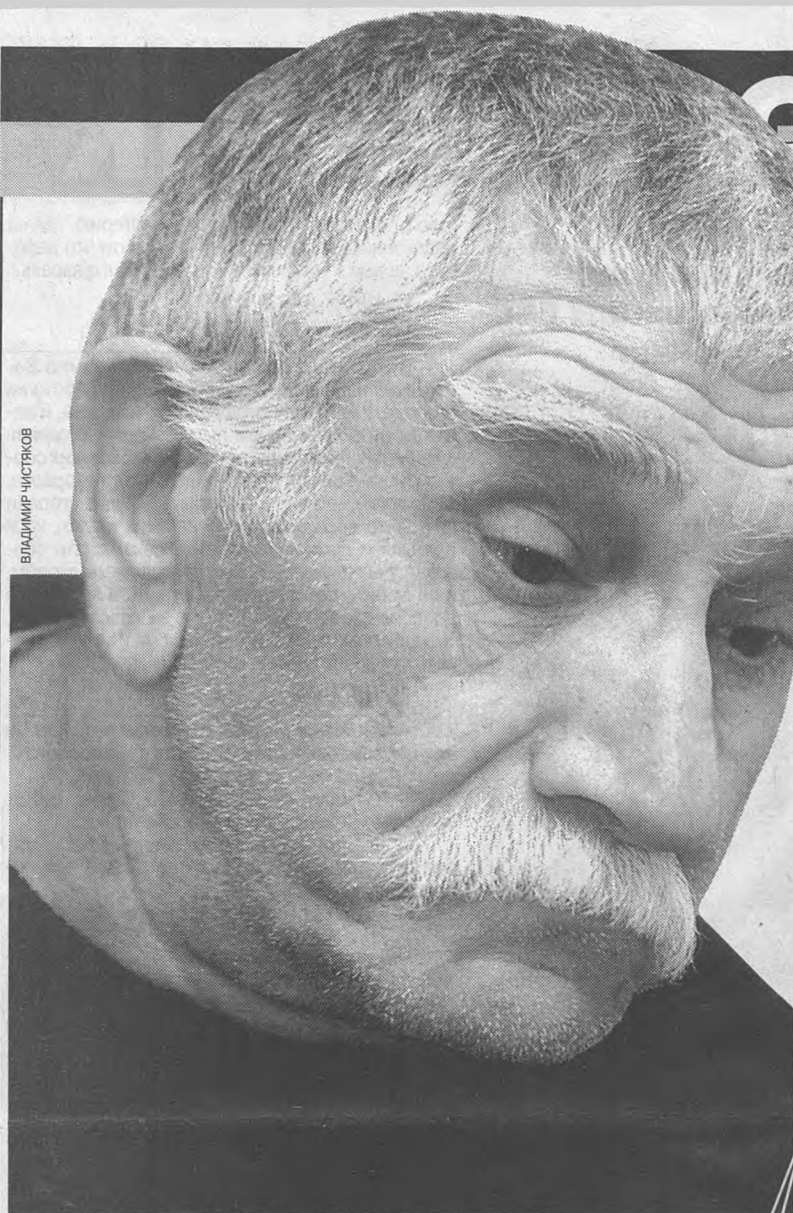

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

ВЛАДИМИР ЧИСТЯКОВ

Джигарханян, конечно, сверхбогателен. Вот, кажется, еще минуты две назад в этом пустынном (время — два часа дня) здании бывшего кинотеатра "Прогресс", который нынче является новым зданием Театра под руководством Армена Джигарханяна, кроме гардеробщицы да вахтерш, никого и не было. Мертвую тишину нарушали разве что тяжелые вздохи пожилых женщин да шелест просматриваемых ими утренних газет. И тут, разрезая воздух своей неповторимой хрипотцой, входит он... и в одну секунду становится в центре внимания разношерстной толпы. Басок молодых актеров, щебет юных актрис, зачарованные застывшие улыбки... Откуда все эти люди, думаю, — только что же не было ни души? Собрались, как по тревоге, ловят каждое слово, бросают восхищенные взгляды... Мы поднимаемся на второй этаж в офис Армена Борисовича, а внизу слышится все объясняющий восторженный женский голос: "Его нельзя не любить, он — великий!"

ПУБЛИЧНЫЙ ЗАТВОРНИК

- Армен Борисович, вы привыкли, что вас называют великим?
— Мне нельзя привыкать. У меня такая профессия, что не дай бог я даже на секунду так подумаю. Говорю вам честно, можете мне поверить. К примеру, вчера я играл так, что в зале рыдали, а сегодня у меня одышка какая-то началась. Представляете, я скажу: "Ребят, да я народный артист". Мне ответят: "Ну и что? Плохо играешь". И что делать? Вчера меня кто-то назвал великим, а завтра я снова должен выпытывать, выманивать такие же слова от следующего. И так всю жизнь. Есть потрясающая фраза, очень страшная для актера: "Как всегда хорошо играет Джигарханян". И все, конец. Потому что тогда я уже не актер, а кусочек памятника.

— Разве вы не все еще доказали? Списка ваших ролей в театре и кино хватит и на десятерых выдающихся актеров.
— Ну и что? Надо постоянно доказывать свою состоятельность, убеждать, соблазнять, увлекать (переходит на интригующий шепот): "Иди сюда, иди-иди, я расскажу, как интересно там жить". Понимаете? Я хочу рассказать вам какую-то историю, во время которой вы будете плакать или безумно смеяться. Поверите мне или не поверите — вот это интересно.

— Для вас еще сохранились секреты в профессии?
— Не знаю. Михаил Чехов, когда его попросили одним словом определить понятие "жизнь", сказал: "Вдруг". Вот случилось это "вдруг", сошлись ветры, магнитные полюса — это произошло. Не случилось — значит, не случилось. Все еще может быть, а может и не быть. А может, я и не поймал, не узнал — "вдруг" было, а я все туда смотрел (кивает на окно). Искусству свойственна случайная закономерность. Все случайно. Потом уже мы все собираем, делаем этот кабинет, покупаем этот стол, и появляется закономерность: "А как же иначе: Джигарханян, конечно, должен руководить театром". А потом вдруг выясняется, что вовсе и не обязательно.

— Некоторые упрекают вас, что в 90-е годы вы стали менее разборчивы, стали сниматься в заведомо слабых фильмах. Согласны?
— Согласен. Знаете, что я вам ска-

жу? Вы водите машину? Нет? Так вот, в вождении машины есть одна хитрость: логика человека за рулем абсолютно отличается от логики человека, сидящего рядом. Мой водительский стаж уже 37 лет. Когда я сажусь с водителем, у меня ощущение, что человек просто не умеет водить, он все делает мимо. И таких примеров я могу вам привести миллион. Репетирую какую-то пьесу. Все играют плохо, и я один знаю, как надо играть. Все, кроме своей роли. То же самое здесь. Да, объективно я согласен, да, понизил требовательность. Все. Дальше я вижу бессмысленность продолжения дискуссии. Самое смешное, как в том анекдоте, что мы все правы.

— Часто приходится отказываться от предложенных ролей?
— Можно привести десяток совершенно объективных факторов, объясняющих, почему я снимаюсь или почему я не снимаюсь. Даже я, который вроде уже все знает про свое дело, иногда задумываюсь: чего это мне давно не звонят, я вроде хороший артист и так далее. Потом подумаю и нахожу массу причин, начиная с того: "Слушайте, а он еще жив?" — и кончая: "Да не, он опять подведет". Потому что заболел, радикулит скрутил — с постели встать не могу, а надо ехать в Кушку, прыгать с поезда. И в конкретном случае скажут: "Ну, подвел". Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

— Кстати, мне приходилось читать про вашу необязательность. Дескать, вы предпочитаете не очень выгодным съемкам выступление перед армянской диаспорой, где заплатят куда больше.
— Вам сейчас объясню, но ни перед кем не собираюсь оправдываться. За 67 лет своей жизни я ни разу не выступил перед армянской диаспорой. Так, для справки. Остальные пусть думают что хотят... Я слышал, что у меня есть банк, армянский банк. И это мне рассказывают люди, которые знают, за сколько мне моя сестра, Нара Борисовна, покупает яблоки. Я думаю, давайте оставим эту легенду. Если у меня банк, значит, я там держу все свои деньги — хоть дом не ограбят, уже хорошо... Все подобные разговоры от нашей бедности, духовной и материальной. Знаете, недавно встретил свою старую подругу по театру, которая сейчас получает несколько десятков долларов за свою работу. Более не-

Армен ДЖИГАРХАНЫАН:
"Я слышал, что у меня есть армянский банк"

Кадр из фильма "Место встречи изменить нельзя".

Кадр из фильма "Здравствуйте, я ваша тетя".

счастливого существа я не видел. Я не смог ее узнать. И первое, что она мне сказала, что Буш пытается обмануть Путина. Я подумал: мы страна непобедимых людей. Она думает о Буше, когда ей не на что несколько килограммов яблок купить. Поэтому мы такие голодные и нищие.

— А деньги многое значат в жизни?
— По-моему, все. При современном обществе. Мне говорят, что в Кувейте или где-то еще все настолько богаты, что отказываются от денег, говорят: "Не-не, не надо, уберите". Может быть, я не видел. Давайте поменяем название: не деньги, а, к примеру, "труд оплачиваемый". Можем ведь более хорошие, благодарные слова найти.

— За деньги можно купить все?
— Не берите на себя такую тяжелую ношу. Вы мне дайте заслуженно. Дальше я решу сам. Уж не говорю про более сложные вещи: про то, сколько я стою. Мне приблизительно сказали, но я не уверен. Я играл в "Кошке на раскаленной крыше", пьеса — гениальная. Там герой спрашивает у своего сына: "Узнай, сколько я стою". И сам же отвечает: "Двадцать миллионов наличными, золотые слитки и 28 тысяч акров богатейшей земли". Меня очень долго суфлер поправлял. Я говорил вместо 20 миллионов — 20 тысяч. Для меня тысяча и миллион не имели биографии. Вот у меня сейчас в кармане 382 рубля, я все 382 знаю... Однажды в Лондоне нам показа-

лийский. Думаю, достаточно этих трех причин.

— Вы и Театр Маяковского за долгие годы стали понятиями неразделимыми. Что заставило вас в 1996 году уйти оттуда? Говорят, у Андрея Гончарова был жутко деспотичный характер.
— Мой товарищ на такие вопросы обычно отвечает: "Не ваше это собачье дело". Я не собираюсь докладывать, почему я ушел из театра. Более того, я сам не очень-то в этом разбираюсь. Учтите, я с Гончаровым проработал 27 лет, сколько сыграно ролей — не сосчитать. И каких ролей! Ну, шарниры рано или поздно стираются. В машине можно поменять. А у меня как? Слава богу, мы не обливали друг друга цианистым калием. Я не считал Гончарова деспотом-тираном. Я могу назвать его великим профессионалом. Недавно читал у одного знаменитого психоаналитика о психологии секса. И он приводит пример: один во время секса кричит, другие тихо стонут. И что? Те и другие хорошие люди. Гончаров такой, Захаров — другой, более ироничный, что ли. Но режиссеры оба выдающиеся.

— С Захаровым вам комфортно? Он дает вам больше свободы?
— Вы будете смеяться, но все, что имею, я даю себе сам. Когда наши с Гончаровым споры доходили до точки кипения, он обычно говорил: "Ну, ничего, потерпите немножко. Скоро вы начнете играть, и я ничего с вами не смогу сде-

энергетика — кажется, сейчас всех разнесу. Откуда вдруг?

— Может, свойство горячей южной крови? Интересно, после долгих лет проживания в Москве вы еще не окончательно обрусели?
— Я для себя давно определил: национальность — это реакция. Я вам приведу грубый пример. Цивилизованного армянина матерные ругательства задевают. Он говорит: имей дело со мной, мать мою оставь в покое. Ему объясняют: это такое ничего не значащее слово. Он понимает, но все равно обижается. Такая реакция. Что не значит, конечно, что все армяне безумно любят своих матерей. Не об этом речь. Это генетика. Такой голос, такие глаза, такая небридность. А что еще? Вот недавно меня пригласили в одно заведение, где угощали блюдами армянской кухни. Я кусочек съел и больше не стал. Плохо сварено — какая разница: армянское, не армянское. Так, чтобы над этой едой разрыдаться, — это не про меня. Не тянет меня и в Ереван.

— Руководство Армении не обижается на вас?
— Думаю, нет. Им сейчас не до этого. Недавно была встреча президентов России и Армении. На завтрак в Кремль пригласили наиболее выдающихся армян. За день до того у меня ни на минуту не умолкал телефон. Спрашивали, как у меня с машиной, в чем я приеду, какие брюки надену. Все утро я волновался, брелся, ехал: Боровицкие ворота, Кремль, президенты — интересно, правда? Подъезжаю к пропускному пункту, ко мне подходит парень в форме: "Простите, вашего номера машины в списке нет". Меня не задело, я просто удивился: целый день я брелся, стригся, готовился, уже представлял, как проходит мимо Президент России — я никогда его не видел, — как я ему буду что-то говорить. А оказывается, моего номера нет в списке. Я повернулся и уехал. Вот и все кино... Я знаю случаи, когда у достаточно известных людей в точно такой же ситуации случалось предынфарктное состояние. Говорю честно, как на духу. Я подумал, что я самый счастливый человек на свете — через пять минут все уже забыл. Приехал домой, чего-то покусал, телевизор включил, а там теннис, Агасси играет, и мне стало интересно. Думаю, может, так и надо: а чего это я вдруг должен в Кремле завтракать? Представляете, бросились бы президенты: "Где он, Джига-то, где?! Давайте его!" Нашли бы, приволокли. А оказывается, нет.

— Армен Борисович, вы сказали, что любите одиночество...
— Уединенность. От слова "одиночество" веет каким-то драматизмом. Я не люблю одиночества, у меня свой мир. Но это необязательно живые персонажи.

— А почему вы так редко говорите о своей жене? Она в Штатах живет?
— Могу сказать, никакой тайны нет. Татьяна работает там по найму педагогом. Она очень образованная. У нее актерское образование, театроведческое и Институт иностранных языков. Почти как у Черчилля — три образования.

— Жизнь порознь — это для вас нормально?
— Звоню, каждый день звоню... Знаете, насколько я понимаю в жизни, некое среднеарифметическое рассуждение в любом вопросе приводит нас к не очень-то хорошим результатам. Это надо из 36 лет нашей с женой совместной жизни как минимум месяцев 6 с нами прожить. Только тогда можно задавать какие-то вопросы... Если моей жене там хорошо, значит, и мне хорошо. А то, что я один и хочу ее увидеть, — это совершенно другое дело. Огромная связь взаимоотношений, учитывая 36 лет совместной жизни. Вместе, порознь... Я пока ничего не решил, как лучше. Работа подвернулась, здесь тепло — там холодно, я приехал — уехал. Идет нормальная жизнь, хорошая. В мои 67 сейчас на 25 лет вперед загадывать дальнейшую жизнь как минимум наивно. Самое большое — на завтра, послезавтра — уже под большим вопросом.

— Вы познакомились с Татьяной, когда она уже была замужем. Пришлось отбивать?
— Это неважно. Вам я ничего не прибавлю, кроме слетен. Потом, это моя жизнь. Я не имею права ее тиражировать. У меня есть тайны, которые я прячу, которые я держу, как последний нитроглицерин. Еще, не дай бог, вместо одного слова выйдет другое — кого-то обижу. Не надо... Я два или три раза в жизни проводил какие-то творческие вечера, вообще их не люблю, но когда театр на гастролях... Ну, например, едем в Челябинск на гастроли Театра Маяковского. Челябинский завод больших размеров делает вечер — Ромашин, Лазарев, Джигарханян. А я до этого как раз снялся в "Место встречи изменить нельзя". Спрашивают: "Расскажите, пожалуйста, о личной жизни Высоцкого". Я не знал, что ответить: "Вот он стихи пишет, — говорю, — что может быть более личное?" Понимаете, мне неинтересно, пушкинская Гончарова умела яичницу готовить или нет. У Пушкина и так все написано, кто он такой. Так же и здесь. Вот вы придите на спектакль, на меня посмотрите и погадайте: я жену свою люблю или нет. Идите, погадайте.

Дмитрий МЕЛЬМАН.